

קטע מתוך הספר "אני חייבת לספר" - מאשה רולניקייטה

Из книги "Я должна рассказать"

Маша Рольникайте

Еще и двух недель не прошло со дня оккупации, а как все изменилось. В городе снова вывешены приказы: все «Juden», взрослые и дети, обязаны носить знаки: десятисантиметровый квадрат из белого материала, на нем желтый круг, а в нем буква «J». Эти знаки надо пришить к верхней одежде, на груди и спине. Оккупанты нас даже не считают людьми, клеймят, как скот. С этим ни в коем случае нельзя согласиться! Неужели никто не осмелится воспротивиться? Мама велит меньше рассуждать и помогать шить эти знаки. Она разрезает желтую подкладку старого покрывала, и мы беремся за работу. Приходят несколько соседок, у которых нет желтого материала. Работа не ладится: то слишком широко, то криво. Никто не разговаривает. Уходя, одна соседка заявляет, что эти знаки надо носить с гордостью. Нашла чем гордиться... Клеймом. По крайней мере, я с ними на улицу не выйду: стыдно встретить учителя или даже подругу.

Есть и другое распоряжение гитлеровцев: все «Juden» обязаны сдать свои деньги, украшения, золотые изделия и прочие драгоценности. Можно оставить себе только тридцать марок, то есть триста рублей. Знаки и конфискация денег - это еще самые маленькие беды. Они убивают безвинных! Вооруженные патрули задерживают на улицах мужчин и гонят в Лукишкскую тюрьму. Мужчины боятся выходить на улицу. Но это не спасает: бандиты ночью врываются в дома и забирают даже подростков. Сначала все верили, что из тюрьмы арестованных везут в Понары, в рабочий лагерь. Но теперь мы уже знаем: никакого лагеря в Понарах нет. Там расстреливают! Там только цементированные ямы, куда сбрасывают трупы. Не может быть! Ведь это ужасно!!! За что, за что убивают?!

Расстреляли... Это значит, что людей согнали к ямам. На каждого наводили дуло винтовки, из которой вылетали маленькие пули, врезались в сердце, и люди падали мертвыми. Оборвали тысячи жизней, не стало столько молодых веселых парней, а названо все это одним словом: «расстрел». Раньше я никогда не представляла себе смысла этого слова. Да и «фашизм», «война», «оккупация» казались только словами в учебнике истории. И теперь, наверно, люди других городов и стран, где нет войны и фашизма, тоже не понимают, не представляют себе настоящего смысла этих слов. Поэтому надо записывать в дневник все, что здесь творится. Если останусь жива, сама расскажу, если нет - другие прочтут. Но пусть знают! Обязательно!

Сегодня 21 июля. Месяц с начала войны и мой день рождения. Мне четырнадцать лет. Поздравляя и желая долгих лет, мама расплакалась. Сколько раз я слышала это обычное пожелание и ни разу не обратила внимания, какое оно значительное... По случаю дня рождения мама предложила надеть голубое шелковое платье. Оно без знаков. Какой у меня непривычно красивый вид! Только жаль, что волосы слишком длинные. Вдруг в голову пришла замечательная мысль. Я попросилась к соседке, тете Берте, чтобы показать ей платье. А сама - руку в шкаф (там под бельем лежат деньги) и - шмыг в дверь. Будто предчувствуя, мама кричит вдогонку, чтобы я не смела без знаков выходить на улицу. А именно это я и собираюсь сделать. Вприпрыжку сбежав с лестницы, выскакиваю за ворота и смело, не оглядываясь, поворачиваю на Большую улицу. Захожу в парикмахерскую. Только теперь вздрагиваю: что я сделала? Мне предлагают сесть. Стараюсь казаться спокойной и не смотреть на парикмахера. А он, повязывая белую салфетку, улыбается мне в зеркале. Узнал! Смотрю на него, вытаращив глаза, и не знаю, как сделать вид, что не понимаю этого. Опускаю голову, чтобы не видно было лица. Сердце тревожно бьется, а парикмахер, как назло, копается. Может, убежать? Нельзя... Только бы не зашел гитлеровец! Наконец постриг! Расплачиваюсь и выбегаю. Шагаю назад. Сейчас я совершенно спокойна, даже не понимаю, почему я в парикмахерской так дрожала. Никто и не смотрит на меня. От мамы досталось. Пришлось пообещать больше не повторять таких глупых проделок. Мама пришила знаки ко всем платьям...

Я стою на кухне у окна и плачу: страшно подумать, что завтра надо будет умереть. Еще так недавно училась, бегала по коридорам, отвечала уроки, и вдруг - умереть! А я не хочу! Ведь еще так мало жила!.. И ни с кем не попрощалась. Даже с папой. В последний раз видела его выходящим из убежища, из подвала противоположного дома. Больше не увижу. Вообще ничего не буду видеть и чувствовать. Меня не будет. А все остальное останется - и улицы, и луга, даже уроки... Только меня там не будет - ни дома, ни на улице, ни в школе... не ищите - нигде не найдете... А может, никто и не станет искать? Забудут. Ведь это для себя, для своих близких я «личность». А вообще, среди тысяч людей я песчинка, одна из многих. Обо мне, всех моих стремлениях и мечтах, может, кто-нибудь когда-нибудь упомянет одним словом - была.

Вдруг в тишину врывается страшный крик. Неужели снова начинается? Голоса где-то рядом, совсем близко. Но подойти к окну мама не разрешает: могут заметить. А меня тянет: неизвестность еще страшнее. Спрятавшись за портьеру, подглядываю. Внизу на улице гитлеровцы выстраивают людей, которых гонят с улицы Месиню. Плачущие женщины с полуголыми, завернутыми в одеяла детьми... Мужчины, сгорбившиеся под тяжестью узлов и чемоданов... Дети, вцепившиеся в одежду взрослых... Их толкают, бьют, гонят. Вспыхивает карманный фонарик и освещает испуганные лица. Фонарик гаснет, и снова двигаются только силуэты...

В наши ворота они еще, кажется, не стучатся, хоть моментами мерещится, будто они уже поднимаются по лестнице.